

УДК 94(47) «1917/1928»

doi 10.17072/2219-3111-2026-2-143-154

EDN: XJGYA

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.55

Ссылка для цитирования: *Болотова О. В.* Музей «по-большевистски»: организационное оформление Музея революции СССР // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 2(73). С. 143–154. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-2-143-154. EDN: XJGYA

МУЗЕЙ «ПО-БОЛЬШЕВИСТСКИ»¹: ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ СССР

О. В. Болотова

Университет науки и технологий МИСИС, 119049, Россия, Москва, Ленинский пр-т, 4

НИУ «Высшая школа экономики», 109028, Россия, Москва, Покровский бул., 11

bolotowa@gmail.com

SPIN-код: 8023-1800

Музей революции СССР был создан в 1924 г. как одно из первых учреждений идеологического аппарата советского государства. Он относился к новому типу музеев, который появился в стране после революции 1917 г., при этом само его появление было тесным образом связано с партийным аппаратом и работой одного из его отделов – Истпарта. Статья посвящена реконструкции основных этапов институционального оформления музея. В ней ликвидируется историографический пробел, связанный с историей образования музея и деятельностью двух выставок, материалы которых легли в основу собрания музея. Показано, что в первые годы после образования СССР у государственных и партийных структур не было плана работы с памятью о революционной эпохе, а при подготовке проектов, направленных на музеефикацию недавнего прошлого, на первый план зачастую выходили вопросы формы, а не содержания, что неудивительно, так как вопросами музейного строительства в этой сфере занимались сами участники событий: бывшие революционеры, журналисты и партийные работники. В ходе написания статьи были проанализированы материалы архива Истпарта как основной инстанции, участвовавшей в создании музея (хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории), документы архива Государственного центрального музея современной истории России (бывший Музей революции СССР), ранее не использовавшиеся в научных работах по музею материалы личного фонда революционера К. П. Злинченко из Государственного архива Российской Федерации и протоколы первичной партийной организации Музея революции из Центрального государственного архива г. Москвы.

Ключевые слова: история музейного дела России, культура в 1920-х гг., культурная политика в 1920-х гг., Музей революции СССР, С. И. Мицкевич, К. П. Злинченко, С. И. Черномордик, И. Е. Бондаренко.

Введение

После революции 1917 г. в России впервые в мире появился совершенно новый вид идеологического музея, его главной задачей было сохранение памяти современников о недавнем революционном прошлом. Первый такой музей был открыт в Петрограде в 1919 г., в Москве же он появился намного позднее – в 1924 г., уже после смерти В. И. Ленина. Данная статья посвящена институциональному становлению именно московского Музея революции. Это связано с тем, что природа петроградского и московского проектов была различной: в то время как в создании первого участвовали бывшие эсеры, народовольцы и представители научной общественности [Лейкина-Свирская, 1961, с. 58], второй представлял из себя скорее большевистский проект и сохранил в своих практиках способы проектирования «исторической политики» большевиков на раннем этапе.

Согласно периодизации А. Джоллса, государственная политика по превращению музеев в пропагандистские учреждения и рупоры революции делилась на два этапа: в первые годы после революции в фокусе внимание властей находилось сохранение культурного наследия, с конца

же 1920-х гг. началось постепенное превращение музеев в педагогические и пропагандистские инструменты государства. «Если в период НЭПа советское управление искусством в первую очередь заботилось о сохранении предметов и создании общественных коллекций, обладающих образцовой эстетической ценностью, то в период “культурной революции” советские музеи стали прежде всего педагогическими и пропагандистскими инструментами государства», – указывает он [Jolles, Akinsha, 2009, р. 197–198]. Однако в случае с Музеем революции СССР, являющегося центральным объектом рассмотрения данной статьи, эта периодизация не является релевантной, поскольку агитационные задачи были выведены на первое место в работе музея сразу же на момент создания. «Музей революции Союза ССР... является научным учреждением агитационно-просветительного характера...», – говорилось уже в первой редакции устава учреждения (Мицкевич, 1927, с. 9).

В центре исследований исторической памяти, как правило, находится процесс формирования представлений о прошлом, а также непосредственное содержание предлагаемых интерпретаций прошлого, однако в центре данной работы будут находиться не нарративы, складывающиеся в музейной экспозиции, а институциональное оформление музея. Это связано с тем, что на отбор музейных предметов, событий и персонажей для показа (а, следовательно, в конечном итоге и формирование оценок) в первую очередь влияет порядок производства знания, а значит, вопрос генеалогии институциональной структуры важен с точки зрения понимания содержания воспроизводимого внутри нее исторического дискурса.

Музей революции СССР формировал особый вид политической памяти, но, чтобы понять, каким образом он это делал, важно выявить, кем и на каких принципах организовывался этот музей: было ли его создание подчинено единому плану, какие государственные инстанции и кадры принимали участие в его оформлении, какие конфликты и разрывы можно увидеть в этих процессах (о разрывах см. [Фуко, 2004, с. 35–37])?

Музеи революции привлекали внимание специалистов уже с момента создания. Первые работы, связанные с попыткой зафиксировать и проанализировать историю московского музея, появились еще в конце 1920-х гг. и были написаны сотрудниками учреждения (Мицкевич, 1927 и др.). Две другие важные вехи в историографии учреждения совпадают с устоявшимися в отечественной практике периодами, характеризующимися расширением перечня рассматриваемых проблем и возможностей доступа к архивным материалам – 1960-ми и 1980-ми гг. [Закс, 1963; Кытманова, 1983; Ведерникова, 1985]. Исследования, написанные в эти периоды, содержат много ценного эмпирического материала, однако не лишены следов идеологии (применение устоявшихся трактовок исторических событий и личностей, отсылка к классикам марксизма-ленинизма и т.п.).

В современной научной литературе особую роль музеев революции в формировании культурного ландшафта 1920-х гг. отмечает Л. Н. Мазур [Мазур, 2023]. Согласно ее периодизации, именно они определяли информационную модель музея в 1920-е гг., реализуя властный и общественный запрос на мифотворчество. Но что представляли из себя эти учреждения, претендующие на определение идеологической модели советского музея? Как именно они были встроены в систему государственного управления и как проявляли себя в качестве идеологических агентов?

Говоря о современной историографии, можно отметить, что, несмотря на наличие работ, затрагивающих вопросы построения экспозиции музеев революции, организации региональной сети или анализирующих их в общем контексте истории культурного и музейного строительства постреволюционной эпохи, этот тип музеев не является предметом специального исследовательского интереса [см.: Плаггенборг, 2000; Салова, 2013]. Кроме того, предметом рассмотрения, как правило, становится музей в Санкт-Петербурге, в то время, как уже отмечалось выше, природа московского и санкт-петербургского музеев была различной [Hale, 2019; Саркисян, 2015, 2017].

Стоит отметить, что данная статья также не ставит перед собой задачу полностью закрыть эти вопросы, но предпринимает попытку на примере московского музея показать осо-

бенности формирования этого типа музеев для разговора об их месте в системе культурных учреждений страны (другие работы автора по этой теме: [Болотова, 2020, 2025]).

При подготовке публикации привлечены источники как уже использовавшиеся в работах по истории музея и музейного строительства 1920-х гг., так и никогда не упоминавшиеся в подобных исследованиях. Это материалы архива Истпарта в Российском архиве социально-политической истории (РГАСПИ), документы архива Государственного центрального музея современной истории России (бывший Музей революции СССР), фонд революционера К. П. Злинченко из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), протоколы первичной партийной организации Музея революции из Центрального архива г. Москвы (ЦГА Москвы).

Фонд Истпарта в РГАСПИ является традиционным источником для работ по истории музея, поскольку его появление было тесным образом связано с этой структурой, являющейся одним из отделов ЦК. С материалами фонда ранее работали как авторы, занимающиеся историей музея, так и исследователи, сосредоточенные на развитии исторической науки в 1920-е гг. и формировании революционной памяти. Однако стоит отметить, что с точки зрения истории музея фонд показывает неполную картину. Дело в том, что в основу Музея революции были положены материалы двух выставок: открытой к X съезду РКП(б) выставки Истпарта² и подготовленной к пятилетнему юбилею революции 1917 г. выставки «Красная Москва» (ГЦМСИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2). Соответственно, в фонде Истпарта находятся преимущественно документы, связанные с выставкой Истпарта, и практически нет материалов, касающихся второго участника объединительного процесса.

Материалы архивного фонда, хранящиеся в Государственном центральном музее современной истории России (бывший Музей революции СССР), также не раскрывают всех сторон этого процесса, поскольку ведомственный архив начинается с даты институционального оформления музея в 1924 г. и в нем нет информации о работе выставок в период, предшествовавший объединению.

Архив выставки «Красная Москва» по всей видимости не сохранился. Однако много подробностей о выставке находится в материалах личного фонда революционера К. П. Злинченко³ в ГАРФ. Так как у него был конфликт с руководством музея, его многочисленные жалобы с подробными описаниями происходившего сохранились в этом фонде. В ходе работы над данным материалом в Центральном архиве г. Москвы также были обнаружены протоколы первичной партийной организации Историко-революционного музея (предшественник Музея революции, основанный на базе выставки «Красная Москва»)⁴. Эти документы, ранее не привлекавшиеся к исследованию истории музея, как раз помогают увидеть развитие ситуации со стороны второго участника процесса объединения – работников выставки «Красная Москва». Кроме того, для дополнительного анализа и перепроверки информации автором привлекались мемуарная литература и материалы печатных изданий.

Таким образом, в процессе работы над данной статьей были проанализированы и систематизированы данные из разных, порой противоречащих друг другу источников, ликвидирован историографический пробел, связанный с работой «Красной Москвы» и объединением двух выставок, и восстановлена внутренняя логика рождения нового музея, занявшего свое место в системе идеологических институтов страны.

Выставка Истпарта

После Октября большевики довольно энергично взяли курс на мемориализацию революционной эпохи. На протяжении 1918–1919 гг. «Правда», публикуя документы и статьи о событиях 1917 г., призывала общественность приступить к собиранию газет, журналов, брошюр, листовок и к созданию архива по истории партии (Восьмой съезд РКП(б), 1933, с. 448). Однако на практике эта задача решалась плохо, и потенциально важные для истории материалы часто уничтожались и растаскивались. В качестве организующего центра для направления этой работы в 1920 г. была создана Комиссия по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии (Истпарт). В первых проектах деятельность Истпарта была сфокусирована на собирательской и изда-

тельской деятельности (РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15478. Л. 1), но вскоре Истпарты стали организовывать собственные выставки, на которых демонстрировали собираемые материалы.

Весной 1921 г. на X съезде РКП(б) в Доме Союзов в Москве Комиссия организовала свою первую выставку (она демонстрировалась с 10 марта 1921 г.). Выставка была подготовлена усилиями Главархива (Мицкевич, 1927, с. 4). Хронологически экспозиция начиналась с рассказа о рабочем движении 70–80-х гг. XIX в. и заканчивалась материалами, посвященными Октябрьской революции (количество последних, правда, было весьма незначительным, см. [Кытманова, 1983, с. 26–28]).

Политический контекст, в котором Истпарт демонстрировал свои материалы делегатам, был своеобразным. Во-первых, участники съезда знакомились с экспозицией в перерыве между новостями о восстании в Кронштадте и принятием решения о переходе к новой экономической политике; во-вторых, на этом съезде были приняты резолюции о партийной дисциплине и ужесточении партийной организации, которые разгромили «рабочую оппозицию» как открытую группу и предшествовали началу чисток в партии. Таким образом, уже первые практические шаги, связанные с организацией будущего Музея революции, происходили в условиях изменения политического курса и фактического запрета легальной политической борьбы внутри партии.

Впрочем, для Истпарта это не являлось проблемой, поскольку структура изначально создавалась для продвижения правильных с точки зрения руководства большевистской партии взглядов на историю. И хотя на первых этапах работы комиссия пыталась совмещать в своей деятельности научные и политические цели, последние в конце концов перевесили чашу весов [Holmes, 2021, р. 3]. Особенно политически заточенным с самого начала была позиция председателя Истпарта, старого большевика Михаила Степановича Ольминского, который сразу же предпочитал рассматривать историю революционного движения с точки зрения партии большевиков. Согласно исследованию Марка Юнге «Революционеры на пенсии», имя Ольминского в начале 1920-х гг. было «не только синонимом марксистской историографии, но и ее институциональным и кадровым укоренением в тесной связи с РКП(б)» [Юнге, 2015, с. 224].

В итоге подготовленную выставку Истпарт решил использовать для дальнейшей работы, поэтому после завершения съезда в комиссии начали подыскивать помещение для ее размещения на постоянной основе. В качестве нового места был выбран Большой Кремлевский дворец. Выставку вновь хотели открыть для посетителей весной 1922 г., «употребив» зиму на доработку и обновление (Вокруг органов Истпартовской работы, 1922, с. 239). Однако планы поправил политический календарь: экспозицию посчитали важным показать делегатам IX Всероссийского Съезда Советов (Там же), поэтому для посетителей ее вновь открыли в конце 1921 г. (ГЦМСИР. Оп. 1. Д. 2. Л. 1). Как говорится в отчетном материале журнала «Пролетарская революция», задача по организации постоянной выставки к моменту ее открытия была выполнена «вчерне» (Вокруг органов Истпартовской работы, 1922, с. 239), тем не менее проделанную работу в целом рассматривали в качестве основы для будущего музея. «Можно надеется, – говорилось в отчете Истпарта за 1921 г., – что Истпарт кладет, таким образом, первый камень будущего национального музея по истории Великой русской революции и по истории РКП(б)» (Отчет о деятельности Истпарта, 1921, с. 26). Фраза является примечательной, поскольку из нее следует, что Музей революции, основанный в 1919 г. в Петрограде, Истпарт, по всей видимости, подходящим под определение национального не считал.

В Кремле выставка находилась до весны 1923 г., когда ее решили переместить оттуда из-за сложности с доступом и нехватки места (выставка помещалась в двух коридорах БКД) (Мицкевич, 1927, с. 5). Материалы планировалось перевести в Леонтьевский переулок в восстановленное после теракта 1919 г. помещение московского комитета партии (ГЦМСИР. Оп. 1. Д. 2. Л. 1), но вместо этого осенью 1923 г. объединили с Историко-революционным музеем, организованным зимой 1922 г. на основе выставки «Красная Москва» в залах бывшего Московского Английского клуба.

Выставка «Красная Москва»

Выставка «Красная Москва», открытая к пятилетию Октября в залах бывшего Московского Английского клуба, стала второй основой будущего Музея революции. Она была открыта 12 ноября 1922 г. Через месяц решением Президиума Моссовета на ее основе был создан Историко-революционный музей г. Москвы⁵. В его организации участвовало три структуры: профильный комиссариат, московские органы государственной власти в лице Моссовета и представители московского отделения РКП(б). За каждым участником была распределена своя сфера ответственности: Наркомпрос отвечал за здание в центре Москвы, которое находилось в ведении этого комиссариата; Моссовет – за финансирование, он выделял деньги как на организацию выставки и зарплаты, так и на проведение ремонта помещения, находившееся в запущенном состоянии; партия же выступила в роли поставщика кадров (ГЦМСИР. Оп. 1. Д. 7. Л. 2; РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 209. Л. 15).

Из истории «Красной Москвы» известно несколько основных имен: первого директора выставки Ильи Евграфовича Бондаренко⁶ (*Мицкевич*, 1927, с. 6), сменившего его в должности Соломона Исаевича Черномордика⁷, начальника партийно-политотдела Кирилла Павловича Злинченко и будущего директора Музея революции СССР Сергея Ивановича Мицкевича⁸.

Про работу первого директора И. Е. Бондаренко из доступных источников известно, что его полномочия носили прежде всего организационно-распределительный порядок. В частности, один из ключевых сотрудников «Красной Москвы» Злинченко указывал, что уже на этапе открытия выставки разрешение на организацию ужина давал глава московского Истпарта С. И. Черномордик. «...когда с разрешения т. Черномордика, Бондаренко устроил ужин по поводу торжественного открытия “Красной Москвы” (без приглашения гостей) и предложил мне, кроме вина, стоящего на столе, выпить еще рюмку водки из-под полы, то я категорически отказался, несмотря на нелепые ссылки Бондаренко, что якобы председательствовавший т. Черномордик “уже выпил водку”», – описывал он вечер открытия (ГАРФ. Ф. Р-9463. Оп. 1. Д. 67. Л. 5).

Сам Злинченко, ранее работавший секретарем журнала «Пролетарская революция», при Черномордике стал руководителем партийно-политического отдела (*Елизарова*, 1930, с. 156). В хронике музея значится, что Злинченко был заведующим партийно-политического отдела и выставки «Красная Москва», и Историко-революционного музея (ГЦМСИР. Оп. 1. Д. 2. Л. 1).

Известно, что между ним и Черномордиком был конфликт. Как упоминалось выше, в ГАРФ сохранились письма Злинченко с жалобами на поведение Черномордика в ЦК (ГАРФ. Ф. Р-9463. Оп. 1. Д. 67). В своей докладной он охарактеризовал музейную работу эпитетами «полная бесхозяйственность» и «бездеятельность». По его словам, Черномордик бывал в музее 1–2 часа, «не ведя никакой работы по организации», лишь «подписывая бумаги по сметам, представляемым в финотдел о выдаче жалованья по весьма вздутым ставкам» (Там же. Л. 2 об.). Хотя автором отзыва является одна из сторон конфликта, свидетельство, видимо, правдиво, и Черномордика действительно не особенно сильно интересовала эта работа. Косвенно на это указывает отсутствие у него каких-либо письменных работ, касающихся музея. Например, в период своего руководства учреждением он регулярно писал в официальный журнал Истпарта «Пролетарская революция» как старый большевик и глава московского отделения Истпарта (*Черномордик*, 1922а, с. 288–291; *Черномордик*, 1922b, с. 443–454), но ни разу не выступил там как директор Историко-революционного музея.

Фигура Злинченко тоже была проблемной. По отзывам, он был человек «нервный» и «беспокойный» (ГАРФ. Ф. Р-9463. Оп. 1. Д. 67. Л. 4), часто категоричный в оценках, кроме того, если верить оценке сестры Ленина – Елизаровой, он больше был склонен говорить о делах, нежели ими заниматься. «Секретарь редакции не отличался оседлостью и заявлялся часто к т. Лепешинскому с бесконечными разговорами, мешавшими заниматься всем остальным. <...> Помню, что один автор, особенно торжественно приведенный к нам секретарем редакции и особенно горячо и многословно доказывавший преимущества своего труда, начинавшего исследования с Лапласа и с истории земли, привел меня окончательно в отчаяние...», – писала Елизарова в своих воспоминаниях о первых годах работы Истпарта (*Елизарова*, 1930, с. 156). При этом Злинченко был не единственной причиной конфликтов. Не менее сложной обстанов-

ка в музее осталась и после его ухода. Представление о происходящем дают протоколы заседаний бюро парторганизации Музея революции (ЦГА. Ф. 169. Оп. 2. Д. 166). Так, в октябре 1923 г. члены партячейки музея требовали от Черномордика отчет о планируемых сокращениях штата. В частности, членов ячейки не устроило, что с должностей научных сотрудников увольняли двух работников-коммунистов, а беспартийных сотрудников оставляли в музее. Такой подход Черномордика к сокращению кадров был признан неправильным (Там же. Л. 6). Все эти сведения рисуют картину достаточно хаотичной и отчасти самостийной работы по организации музея в этот период – действительно не сопряженной ни с какими планами и заинтересованными ведомствами. Споры в конечном итоге привели к уходу Черномордика. Впрочем, произошло это уже после того, как был решен вопрос об объединении выставок.

Последнее произошло благодаря С. И. Мицкевичу – участнику революционного движения, одному из основателей первой марксистской организации в Москве. В период организации выставки «Красная Москва» и Историко-революционного музея Мицкевич был членом совета центрального Истпарта и контактировал с «Красной Москвой» в этом качестве. Он также участвовал в организации выставки Истпарта, находившейся в Кремле. Именно Мицкевич является связующей фигурой, объединяющей обе выставки, и именно он стал инициатором обсуждения вопроса об объединении проектов.

Объединение выставок

Вопрос объединения был поднят на заседании коллегии Истпарта 11 июня 1923 г. и был встречен многими присутствующими с осторожностью (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 18). Против слияния выставок, в частности, выступили заместители председателя Комиссии – Пантелеймон Николаевич Лепешинский и Максимилиан Александрович Савельев. «У этих двух выставок два различных метода работы. Выставка Истпарта преследует цели педагогические, музей же стремится повысить пропускную способность путем подбора соответствующих экспонатов», – говорил первый (Там же. Л. 20). Эти же аргументы поддерживал Савельев: «Музей революции и выставка Истпарта – две разные вещи. Первый – это музей реликвий, рассчитанный на массовую посещаемость, момент педагогический отступает на задний план. В нашей же выставке педагогический момент выдвигается более ярко. <...> Она должна быть партийным семинарием; по идее она идентична музею Ленина: не масса публики, а более подготовленные партийные товарищи, семинарские и лекционные занятия...», – утверждал он (Там же. Л. 21, 21 об.). Были и другие сомнения. Так, неожиданной была позиция Владимира Ивановича Невского, который заявил, что музей революции и в бывшей, и в новой столице не нужен. Более того, в случае основания музея в Москве логично предполагать, что учреждение «вырастет из Института (музея) Ленина» (Там же).

Произошедший спор показывает, что на момент 1923 г. в партийных структурах не было четкого плана работы с памятью о революционной эпохе. Особенно примечательно упоминание в этом контексте музея Ленина, потому что в описываемый период агенты, действующие на поле зарождающейся революционной памяти, судя по всему, по-разному представляли себе его содержание: кто-то мыслил музей, посвященный революционным событиям, лишь названный именем Ленина, кто-то предполагал, что музей будет напрямую посвящен личности вождя. Так, сотрудники Государственного исторического музея, в состав которого в 1990-е гг. вошел бывший Музей В. И. Ленина вместе с фондами, указывают, что впервые с инициативой о создании музея выступил Московский совет рабочих и крестьянских депутатов в связи с празднованием в 1920 г. 50-летия В. И. Ленина. Как гласил текст, напечатанный в мае 1920 г. в номере «Правды» (то есть еще до открытия выставки Истпарта и выставки «Красная Москва»), Совет хотел создать общественно-исторический музей с собранием, связанным с жизнью и деятельностью Ленина (Правда, 1920, с. 2). Однако известно, что примерно в то же время идея о создании Музея В. И. Ленина появилась и у председателя Истпарта Ольминского. При этом, согласно воспоминаниям сестры Ленина Елизаровой, Ольминский будто бы собирался назвать именем Ленина музей, в первую очередь посвященный истории революции (то есть речь как раз могла идти о трансформации выставки Истпарта) (Записка..., 1990, с. 78). Согласно ее свиде-

тельствам, идея не была реализована из-за возражений самого Ленина. Якобы, когда председатель Истпарта Ольминский пришел с проектом к Ленину, тот, услышав, что Истпарт хочет открыть при комиссии музеев его имени, «рассердился» и сказал, что об этом «думать не следует», так как это «неприличие» (Елизарова, 1930, с. 162).

Путаница с концептуальным наполнением еще одного идеологически важного музея, который в итоге полноценно откроется для посетителей только в 1935 г., так же, как и приведенный выше спор об объединении выставок, красноречиво показывает, что в первые годы после образования СССР у государственных и партийных структур не было плана работы по увековечиванию памяти о революционных событиях и деятелях революции, и в ситуации отсутствия согласованного видения организации инфраструктуры исторической памяти Мицкевич оказался человеком, который увидел проблему распыления ресурсов, мешающую развиваться двум похожим проектам, и сумел добиться утверждения решения о слиянии выставок в Оргбюро ЦК. Как писала в воспоминаниях дочь Мицкевича Елена, «у отца были сильные связи в Наркомпроме и прямой контакт с Крупской» (Мицкевич, 1971, с. 204). Также известно, что семья занимала квартиру в Кремле, а один из сыновей, Валентин, какое-то время работал библиотекарем у Ленина⁹ (Самигуллин, 2017, с. 156; Мицкевич, 1971, с. 218), так что можно предполагать, что ресурсы для того, чтобы согласовать нужное решение, у будущего директора были. «Мнение, что с этим Музеем следует слить выставку Истпарта ЦЕКА восторжествовало благодаря т. Мицкевичу, что и придало ей Всероссийский характер», – свидетельствовал также Злинченко (ГАРФ. Ф. Р-9463. Оп. 1. Д. 67. Л. 5 об.).

В итоге летом 1923 г. ЦК подтвердил руководство музеем-выставкой «Красная Москва» со стороны Истпарта, а осенью 1923 г. материалы были перевезены в здание на Тверской. Однако юридически выставки продолжали существовать отдельно: «...имуществом быв. выставки “Красная Москва” и персоналом в количестве 34 чел. заведовал тов. Черномордик, получавший средства от МОНО. <...> Материалом б. Выставки Истпарта заведовала т. Хазанова¹⁰, имевшая в своем распоряжении 5 сотрудников», – зафиксировала музейная хроника (ГЦМСИР. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–4).

Поскольку Хазанова, назначенная заниматься приемом дел, не стесняясь, озвучивала недостатки в работе Историко-революционного музея, такие как отсутствие общего плана работы и идейного руководства, пробелы в административно-хозяйственной деятельности и т.д., в феврале 1924 г. Черномордик сам поставил вопрос об увольнении, объяснив: «при создавшемся положении работать не может» (ЦГА. Ф. 169. Оп. 2 Д. 166. Л. 14). Ровно через неделю, 4 марта 1924 г., Хазанова представила на заседании партячейки доклад о работе Комиссии по передаче Историко-революционного музея в ведение ЦК РКП(б) Истпарта, и вопрос с уходом Черномордика был решен окончательно. Директором обновленной институции стал Мицкевич.

Решение об образовании Музея революции при Истпарте было принято спустя две недели, 24 марта 1924 г. (Мицкевич, 1927, с. 7). Но и в таком статусе музей продержался недолго: менее чем через два месяца, 9 мая 1924 г., он перешел в ведение Всесоюзного ЦИК и стал Музеем революции СССР.

Быстрая перемена статуса связана в первую очередь с решением финансовых проблем учреждения. Еще в ходе упомянутого выше совещания, на котором обсуждалось объединение выставок, Лепешинский высказывал опасения, что у образованного посредством слияния выставок музея не будет денег, поскольку он лишится финансирования со стороны Моссовета, а по линии партии необходимой суммы, с учетом увеличения сметы, выделить не удастся. И уже тогда Мицкевич объяснял, что вопрос разрешается, поскольку «...можно просить... средства ВЦИК, т.к. музей будет носить всероссийский характер» (РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 20 об.).

Впрочем, несмотря на переход в ведение ЦИК, идеологический контроль над учреждением все равно остался в руках Истпарта. «Этот формальный отход Музея не разобщает нас идейно», – говорил на совещании Истпартов в мае 1924 г. Савельев (Вокруг органов Истпартовской работы, 1924, с. 409). Согласно его высказываниям, идеологическое руководство Истпарта музеем было закреплено («ясно зафиксировано») «в выработанном тов. Мицкевичем, на основании директивы секретариата ЦК, положении (о Музее революции)» (Там же). Окон-

чательно решение было подтверждено в сентябре Оргбюро. «Возложить ответственность за идейное руководство Музеем революции на Истпарт ЦК», – говорилось в решении, принятом на заседании в сентябре 1924 г. (ГИК 26907/381).

Музей за скобками

Во всех вышеперечисленных процессах и действиях значительное место занимает обсуждение организационных, юридических и финансовых вопросов, но практически нет следов раздумий над концепцией и непосредственным содержанием музея. За исключением робко поданных голосов Савельева и Лепешинского, поделившихся своим видением целевой аудитории проектов во время обсуждения объединения выставок, ни в каких других документах рассмотрение вопросов музейного строительства не прослеживается.

Это неудивительно, учитывая, что музей фактически создавали не музейщики, а политики и активные участники происходивших социально-политических изменений. Черномордик, Злинченко, Мицкевич – все они были участниками революционного движения и у каждого к моменту начала работы над проектом музеефикации революционного прошлого был опыт подпольной партийной работы. Они подходили к вопросу сугубо практически, оставляя за скобками концептуальные вещи, например, формирование и состав коллекции. Неслучайно музеевед А. Б. Закс еще в первом основательном научном труде, посвященном истории музея, отмечала, что «выставки, на базе которых был создан музей, были очень бедны материалом» [Закс, 1963, с. 9]. Например, в фонде выставки Истпарта насчитывалось порядка 900 единиц хранения, из которых значительная часть была копиями фотографий и различными не слишком привлекательными для музейного показа документами и постановлениями [Там же]. Как следствие, в первые годы работы в музее возник дефицит экспонатов, подходящих для репрезентации революции в экспозиционном пространстве (подробнее об особенностях коллекции и экспозиционного показа Музей революции см. [Болотова, 2025]).

В советские времена концептуальная неустроенность музея часто объяснялась неразвитостью исторической науки (см. например, [Закс, 1963, с. 83]). Действительно, музею приходилось создавать экспозицию, которая должна была рассказать о революционном прошлом в условиях, когда «революционный нарратив» еще не сформировался (подробнее о формировании революционного нарратива см. [Corney, 2004]). Поэтому неудивительно, что, несмотря на то что музей начал работу под прямым идеологическим контролем партии и под руководством человека, в целом разделявшего позицию о руководящей роли в революции партии большевиков, в конце 1920-х гг. организация все равно столкнулась с необходимостью корректировать курс и исправлять идеологические ошибки в экспозиции (подробнее о взглядах Мицкевича на историю партии см. [Frankel, 1966]).

Казалось бы, в период, когда прошлое активно использовалось как инструмент во внутрипартийной борьбе, Музей революции СССР мог стать идеальным местом для того, чтобы развернуть бои за историю в нужном партии ключе. Однако этого не произошло. Можно предположить, что в таком качестве музей был неудобен и по политическим причинам. В ходе столкновений в Политбюро история использовалась в подковерных играх, но первостепенную роль в этой ситуации играли архивы, хранившие документы, которые можно использовать в политической борьбе и СМИ, через которые можно было в случае необходимости организовать атаку. Музей же, вопреки своему названию и статусу всесоюзного, не стал главным местом работы с исторической памятью, а оказался лишь одной из многих площадок, стремившихся укрепиться на идеологическом поле, вследствие чего музею не удалось стать лабораторией смыслов, зато он успешно освоил нишу идеологического инструмента для обслуживания спущенных сверху установок.

Примечания

¹ Отсылка к работе Стивена Коткина «Магнитная гора», в которой историк прослеживает, как искусственно созданные категории идеологического языка в СССР «становились частью обыденного сознания людей» и как рядовые граждане начинали «говорить по-большевистски», т.е. выражать мысли «неким формальным языком» [Американская русистика..., 2001, с. 12].

² Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б) при Наркомпросе – Истпарт – была создана 21 сентября 1920 г. постановлением СНК, подписанным Лениным. В начале своей работы Комиссия главное внимание должна была направить на собирание, охрану и научную обработку документов и материалов. 1 декабря 1921 г. Истпарт перешел в ведение ЦК партии на правах отдела.

³ Злинченко (Работников) Кирилл Павлович (1870–1941) – партийный работник, журналист, писатель. Из рабочей семьи, самоучка. В 1892 г. вступил в организацию народовольческого типа, но затем покинул ее. С 1901 г. на нелегальном положении был сотрудником рабочей газеты «Южное обозрение». С 1904 по 1905 г. входил в состав большевистской группы. В 1905 г. эмигрировал. Вернулся после Февральской революции 1917 г. Октябрьскую революцию встретил с большевиками. Работал заведующим историческим отделом Истпарта ЦК ВКП(б), редактором журнала «Пролетарская революция», заместителем директора московского Историко-революционного музея (по материалам путеводителя к фонду Р-9463 ГАРФ).

⁴ Также частичное описание ее работы содержится в опубликованных воспоминаниях директора выставки И. Е. Бондаренко и первого директора Музея революции СССР С. И. Мицкевича.

⁵ Название выставки «Красная Москва» употреблялось современниками и далее. По сути, вплоть до образования Музея революции СССР эти наименования употреблялись как синонимы: в каких-то документах фигурирует название Историко-революционный музей, в каких-то выставка «Красная Москва», музей «Красная Москва» и т.п. вариации.

⁶ Бондаренко Илья Евграфович (1870–1947) – знаменитый русский и советский архитектор, реставратор и теоретик архитектуры. Был помощником Ф. О. Шехтеля, создавал проект интерьеров читального зала Государственного исторического музея. Известны его храмы для старообрядцев. После Октябрьской революции 1917 г. участвовал в комиссии по реставрации Московского Кремля, был директором выставки «Красная Москва», с 1926 г. работал архитектором Исторического музея, а также в отделах Моссовета.

⁷ Черномордик Соломон Исаевич (1880–1943) – член РСДРП с 1902 г. Учился на медицинском факультете Московского университета, был исключен за участие в студенческой демонстрации. Секретарь Московского комитета большевиков в период Первой русской революции. В годы Гражданской войны – начальник санитарной части. С начала 1920-х по 1926 г. – заведующий московского отделения Истпарта. В 1922–1924 гг. – директор Историко-революционного музея г. Москвы. После ухода с партийной работы занялся литературной и научной работой.

⁸ Мицкевич Сергей Иванович (1869–1944) – деятель революционного движения, стоял у истоков создания московского «Рабочего союза», положившего начало существованию социал-демократической организации в Москве. Окончил медицинский факультет Московского университета (1893). Был в ссылке в Якутии. Работал врачом в Среднеколымске. После возвращения из ссылки продолжил участие в революционной деятельности и врачебную практику. В 1920-е гг. начал заниматься вопросами просвещения и историей революционного движения. Первый директор Музея революции СССР (1924–1934).

⁹ Сын Мицкевича уволился с работы у Ленина, чтобы участвовать в Гражданской войне.

¹⁰ Хазанова изначально работала в Истпарте, после перешла в музей на должность заместителя Мицкевича.

Список источников

Архив Государственного центрального музея современной истории России (ГЦМСИР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2; Д. 7.

ГЦМСИР (музейный фонд). ГИК 26907/381. Выписка из протокола № 28 Оргбюро ЦК РКП от 12.09.24 г.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9463. Оп. 1. Д. 67.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 15478. Л. 1; Ф. 70. Оп. 1. Д. 1; Д. 209.

Центральный государственный архив Москвы (ЦГА). Ф. 169. Оп. 2. Д. 166.

Вокруг органов Истпартовской работы // Пролетарская революция. 1922. № 6. С. 239–245.

Вокруг органов Истпартовской работы // Пролетарская революция. 1924. № 8(31)–9(32). С. 239–245.

Восьмой съезд РКП(б) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под. ред. Е. Ярославского. М.: Парт. изд-во, 1933. 560 с.

Записка М.С. Ольминского о создании Музея В.И. Ленина // Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 77–79.

Елизарова А.И. Ретроспективный взгляд на Истпарт и на журнал «Пролетарская революция» // Пролетарская революция. 1930. № 5. С. 156–162.

Мицкевич Е.С. Одной лишь думы власть. М.: Моск. рабочий, 1971. С. 224.

Мицкевич С.И. Музей революции Союза ССР // Музей революции Союза ССР: сборник. М.: Музей революции Союза ССР, 1927. С. 5–13.

Отчет о деятельности Истпарта // Бюллетень Истпарта. 1921. № 1. С. 18–26.

Правда. 1920. № 95 (5 мая). С. 2.

Самигуллин В.К. О замечательном человеке и выдающемся ученом-юристе (95 лет со дня рождения А.В. Мицкевича) // Журнал российского права. 2017. № 5(245). С. 153–157.

Черномордик С.И. Убийство Баумана // Пролетарская революция. 1922а. № 9. С. 288–291.

Черномордик С.И. Перед Октябрем. На далеком фронте // Пролетарская революция. 1922b. № 10. С. 443–454.

Библиографический список

Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2001. 376 с.

Болотова О.В. Между текстом и вещью. Опыт презентации истории революционного движения в первые годы работы Музея революции СССР // Современная история России в музейной практике: Декабр. науч. чтения, 16–17 декабря 2019 г. М., 2020. С. 70–84. EDN: EKTQMI.

Болотова О.В. Трамвайный столб и штаны революционера: рождение формулы советского историко-революционного музея // Диалог со временем. 2025. № 90. С. 311–324. EDN: NQLHRV.

Ведерникова Г.И. История формирования документального фонда Центрального музея революции СССР: 1923–1937 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 210 с.

Закс А.Б. Из истории Государственного музея революции СССР (1924–1934) // Очерки истории музейного дела в России. М., 1963. Вып. 5. С. 5–84.

Кытманова С.И. Истпарт и становление историко-революционных музеев (1920–1928 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 1983. 161 с.

Лейкина-Свирская В.Р. Из истории Ленинградского музея революции // Очерки истории музейного дела в России. М.: Советская Россия, 1961. Вып. III. С. 55–78.

Мазур Л.Н. Провинциальный музей в фокусе культурной политики советского государства: между просвещением, пропагандой и памятью // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. Вып. 23. С. 157–177.

Плаггенборг Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / пер. с нем. Ирины Карташевой. СПб.: Нева, 2000. 416 с.

Салова Ю.Г. Провинциальные музеи революции в 1920-е гг.: проекты и практика // Вопросы музееведения. 2013. № 2. С. 76–85. EDN: RWNGDX.

Саркисян Н.М. Государственный музей революции в 1920-х гг.: идеологическое значение и материальные трудности // Вестник Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2015. № 7(90). С. 49–52. EDN: VLCHKD.

Саркисян Н.М. «Февральские» истоки Государственного музея Революции: Общество дома-музея памяти борцов за свободу в марте 1917 – сентябре 1919 гг. // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2017. С. 152–159. EDN: YMYXNJ.

Юнге М. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. М.: АИРО-XXI, 2015. 640 с.

Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. 416 с.

Corney F. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution, Ithaca: Cornell University Press, 2004. 302 p. DOI: 10.7591/9781501727030.

Frankel J. Party Genealogy and the Soviet Historians (1920–1938) // Slavic Review. 1966. Vol. 25, no. 4. Pp. 563–603.

Hale R. Exhibiting the Revolution: Expositions at the Museum of the Revolution in Leningrad in the 1920s and 1930s // History. 2019. Vol. 104, no. 362. P. 649–676. DOI: 10.1111/1468-229X.12871.

Holmes L. Revising the Revolution: The Unmaking of Russia's official History of 1917. Bloomington: Indiana University Press, 2021. 197 p. DOI: 10.2307/j.ctv1ghv4df.

Jolles A., Akinsha K. On the Third Front: The Soviet Museum and Its Public during the Cultural Revolution // Canadian American Slavic Studies. 2009. No. 43(1–4). P. 195–212. DOI: 10.1163/221023909X00101.

Дата поступления рукописи в редакцию 25.06.2025

MUSEUMFICATING OF BOLSHEVIK'S REVOLUTION: HISTORY OF ORGANIZATION AND CREATING THE USSR'S MUSEUM OF THE REVOLUTION

O. V. Bolotova

NUST MISIS, Leninsky Prospect, 4, Moscow, 119049, Russia
HSE University, 11 Pokrovsky Bulvar, 109028, Moscow, Russia
bolotowa@gmail.com
SPIN-код: 8023-1800

The USSR's Museum of the Revolution was established in 1924 as one of the first institutions of the ideological apparatus of the Soviet state. It belonged to a new type of museum that emerged in the country after the 1917 Revolution. The establishment of the museum was intrinsically linked to the party apparatus and the activities of one of its departments, Istpart. This article reconstructs the principal stages of the institutional formation of this entity and fills a historiographical gap pertaining to the activities of two exhibitions whose materials formed the basis of the museum's collection. The study demonstrates that, in the immediate aftermath of the USSR's formation, neither state nor party structures possessed a coherent strategy for engaging with the memory of the revolutionary era. Moreover, in the development of projects aimed at the musealization of the recent past, considerations of form frequently predominated over those of content—a circumstance unsurprising given that museum development in this sphere was undertaken by participants in the events themselves: former revolutionaries, journalists, and party officials. For this article, the author analyzed a wide range of sources: Istpart's documents as the main structure that participated in the museum's creation (preserved in RGASPI), documents from the State Central Museum of Contemporary History of Russia's archive (the former Museum of the Revolution), documents of the revolutionary K.P. Zlinchenko (GARF), and reports of the museum's primary party cell, which have never been used in publications on the museum's history.

Key words: The Museum of the Revolution, Soviet culture in the 1920s, Soviet cultural politics in the 1920s, History of Museums.

References

- Bolotova, O. V. (2020). Between text and object: The experience of presenting the history of the revolutionary movement in the early years of the Museum of the Revolution of the USSR. In *Contemporary history of Russia in museum practice. December scientific readings. December 16-17, 2019* (pp. 70–84). GTsMSIR.
- Bolotova, O. V. (2025). Tram pole and revolutionist's pants: The birth of the formula of the Soviet historical and revolutionary museum. *Dialog so vremenem*, (90), 311–324.
- Corney, F. (2004). *Telling October: Memory and the making of the Bolshevik Revolution*. Cornell University Press.
- David-Fox, M. (Comp.). (2001). *American Russian studies: Milestones in historiography in recent years. Soviet period: Anthology*. Samarskiy universitet.
- Foucault, M. (2004). *Archaeology of knowledge* (M. B. Rakova & A. Yu. Serebryannikova, Trans.). Gumanitarnaya Akademiya; Universitetskaya kniga. (Original work published 1969)
- Frankel, J. (1966). Party genealogy and the Soviet historians (1920–1938). *Slavic Review*, 25(4), 563–603.
- Hale, R. (2019). Exhibiting the Revolution: Expositions at the Museum of the Revolution in Leningrad in the 1920s and 1930s. *History*, 104(362), 649–676.
- Holmes, L. (2021). *Revising the Revolution: The unmaking of Russia's official history of 1917*. Indiana University Press.
- Jolles, A., & Akinsha, K. (2009). On the third front: The Soviet museum and its public during the Cultural Revolution. *Canadian American Slavic Studies*, 43(1–4), 195–212.
- Junge, M. (2015). *Revolutionaries in retirement. All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers, 1921–1935*. AIRO-XXI.
- Kytmanova, S. I. (1983). *Istpart and the formation of historical-revolutionary museums (1920–1928)* (Doctoral dissertation). Moscow State University.
- Leikina-Svirskaya, V. R. (1961). From the history of the Leningrad Museum of the Revolution. In *Essays on the history of museum work in Russia* (Vol. 3, pp. 55–78). Sovetskaya Rossiya.

- Mazur, L. N. (2023). Provincial museum in the focus of cultural policy of the Soviet state: Between enlightenment, propaganda and memory. In *Document. Archive. History. Modernity: Collection of scientific works* (Vol. 23, pp. 157–177). Ural University Publishing House.
- Plaggenborg, S. (2000). *The revolution and culture: Cultural landmarks between the October Revolution and the era of Stalinism* (I. Kartasheva, Trans.). Zhurnal "Neva".
- Salova, Yu. G. (2013). Provincial museums of the revolution in the 1920s: Projects and practice. *Voprosy muzeologii*, (2), 76–85.
- Sarkisyan, N. M. (2015). The State Museum of the Revolution in the 1920s: Ideological significance and material difficulties. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*, 90(7), 49–52.
- Sarkisyan, N. M. (2017). "February" origins of the State Museum of the Revolution: Society of the House-Museum in Memory of the Fighters for Freedom in March 1917 – September 1919. In *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "The Revolution of 1917 in Russia: Events and Concepts, Consequences and Memory"* (pp. 152–159).
- Shamaeva, O. Yu. (1984). *The creation and activities of the Moscow Istpart (1921–1934)* (Doctoral dissertation). Moscow State Historical-Archival Institute.
- Vedernikova, G. I. (1985). *History of the formation of the documentary fund of the Central Museum of the Revolution of the USSR: 1923–1937* (Doctoral dissertation). Moscow State University.
- Vokrug organov Istpartovskoy raboty. (1922). *Proletarskaya revolyutsiya*, (6), 239–245.
- Zaks, A. B. (1963). From the history of the State Museum of the Revolution of the USSR (1924–1934). In *Essays on the history of museum work in Russia* (Vol. 5, pp. 5–84).